

ИДЕАЛЬНОЕ УБИЙСТВО

«Правда всегда оставляет след.»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мози Блэйк

Идеальное убийство

«Автор»

2026

Блэйк М.

Идеальное убийство / М. Блэйк — «Автор», 2026

Она была жертвой. Теперь она — охотник. Школьные годы Алина запомнила навсегда. Издевательства, унижения и предательство лучшей подруги Элеоноры превратили её жизнь в ад. Финальной точкой стало ведро ледяной воды и слова любимого парня. Алина исчезла. Но спустя годы она вернулась. Теперь у неё есть деньги, власть и команда преданных друзей, готовых идти до конца. А ещё — план идеального убийства, который она вынашивала семь долгих лет. В её руках — маски и сценарий, способный превратить реальность в театральную постановку. Элеонора продолжает жить своей идеальной жизнью, чувствуя себя неуязвимой. Она не знает, что за каждым её шагом следят. Что каждая случайная встреча — часть большой игры. Но в этой игре участвуют чувства. Влюблённость, ревность и преданность друзьям — это то, что способно разрушить даже самый продуманный план. И когда на сцену выходят двое мужчин, готовых бороться за её сердце, Алина понимает: месть — это только половина истории.

© Блэйк М., 2026

© Автор, 2026

Мози Блэйк Идеальное убийство

Обращение к читателю

Перед тобой книга, в которой правда переплетается с вымыслом, а каждая маска скрывает не только лицо, но и намерения. Все совпадения с реальными людьми случайны, все события — плод воображения.

Но если ты узнаешь в ком-то из героев себя — помни: это всего лишь отражение теней, которые мы все носим внутри.

В этой истории есть отсылки к Шекспиру. Они не случайны — они часть театральной атмосферы, в которой разворачивается действие. Это спектакль, в котором зрители не знают, где заканчивается сцена и начинается реальность.

Пролог

Когда-то давно две девочки росли по соседству. Они делили игрушки, секреты и первые детские радости. Их дружба казалась нерушимой — ровно до того момента, пока одна из них не начала испытывать к другой эмоции, далекие от нежности. Алина и Элеонора — две девочки из равных семей, всегда ходившие рука об руку. Всё началось в далёком детстве, когда вспышки агрессии со стороны Элеоноры казались безобидными шутками. Так считали все: родители, учителя, даже сама Алина. Годы шли. С каждым новым учебным годом тени становились гуще, а шутки — злее. По своей детской наивности Алина искренне верила, что подруга может подставить подножку просто ради смеха, может высказаться колко и резко, потому что так проявляется настоящая дружба. Но реальность оказалась куда более жестокой, чем могла представить наша героиня

Глава 1

Алина:

Ещё в старших классах я начала ощущать себя белой вороной среди серой стаи одноклассников. Многие избегали меня, отводили взгляды, будто я была заразна. Но Эла — она всегда была рядом. Цепко держалась за мою руку, и я цеплялась за нее, как утопающий за соломинку. Я отчаянно старалась сохранить нашу дружбу, цеплялась за те редкие мгновения тепла, которые она мне дарила. Но один момент перечеркнул всё.

Прошрое.

Ровно за месяц до того рокового дня. Эла и Аля, как обычно, пришли на занятие. Осеннее солнце просачивалось сквозь высокие окна школьного коридора, оставляя на полу длинные золотистые полосы. Аля слушала вполуха, как Эла взхлёб рассказывала о вчерашнем плане побега с уроков, но что-то было не так. Воздух вокруг казался плотнее, взгляды прохожих — тяжелее. Краем глаза Алина замечала, как одноклассники оборачиваются, перешептываются, и каждый раз, когда её взгляд встречался с чужим, тот тут же отводился в сторону.

— Аля, ты меня вообще слушаешь? — голос Элеоноры прозвучал резко, как хлопок хлыста. Она нахмурила тёмные брови и встала прямо перед лицом Алины, преграждая путь.

— Эла, прости, я не сильно вслушивалась, — Алина отвернулась, пытаясь унять внезапно наступившую тревогу. Ей казалось, что стены коридора сужаются, а все эти люди — лишь безмолвные зрители её личной драмы.

— Эла, тебе не кажется, что все вокруг смотрят на меня? Это так странно, — прошептала Алина, и голос её дрогнул, как струна, натянутая до предела.

— Алина, тебе просто кажется. Люди завидуют нашей дружбе, вот и всё. Кстати, я кое-что тебе купила, — Элеонора с загадочной улыбкой протянула маленький конверт и тут же отвернулась, словно ей было стыдно за свой жест. Алина аккуратно вскрыла конверт и увидела крошечный брелок в форме камеры. Внутри лежала записка, выведенная аккуратным каллиграфическим почерком: «У меня такой же. Начинаяющий фотограф». На душе потеплело, и Алина улыбнулась — впервые за сегодняшний день. Она тут же прицепила брелок на телефон. Элеонора обернулась, поймала её взгляд и демонстративно потрясла телефоном с точно таким же брелоком. Ох, если бы Аля знала, чем обернётся этот маленький подарок, она бы ни за что его не приняла.

Эля и Аля уже не проводили столько времени вместе, как раньше, но всё ещё сохраняли видимость тёплых отношений. Через неделю, в субботу, Эла предложила устроить пикник в городском парке с одноклассниками.

— Аля, боже, какая же ты умница! Всё взяла, даже больше, чем нужно. А я нам купила парные шляпки и очки, — щебетала Элеонора, протягивая вещи и сияя самой солнечной из своих улыбок. Алина принимала подарки, не подозревая, что за каждым из них стоит тщательно продуманный план. Она доверяла Эле, как самой себе. Осень в тот год была на редкость тёплой — бабье лето играло в золотых листьях и мягком свете. Когда девочки подошли к компании, Алина отчётливо услышала обрывки фраз.

— Ох, смотрите, наш мышонок опять оделась как подружка... Она знала, что одноклассники шепчутся у неё за спиной. Знала, что многие считают её тенью Элеоноры, безликой копией. Но разве это было правдой? Алина просто не хотела тратить силы на пустые доказательства. Она была выше этого. Или просто слишком устала.

— Аля, а ты уже решила, с кем пойдёшь на осеннюю дискотеку? — Эла подалась вперед, сверкнув глазами.

— Эла, ну ты же знаешь, что я хочу позвать Сашу, — покраснев до корней волос, Алина опустила взгляд. Их смех слился в единую звонкую ноту, и на мгновение показалось, что всё

хорошо. Дни текли своим чередом: уроки, подготовка к экзаменам, редкие встречи. До выпускного оставались считанные месяцы, и Алина верила, что сможет пережить этот год, если Эла будет рядом.

За пару дней до осенней дискотеки.

— Аля, я знаю, что тебя позвал Саша. Это же просто невероятно! — голос Элеоноры сочился приторной сладостью, за которой угадывалась едва заметная насмешка.

— Эла, да, он меня позвал... но я так переживаю. Не знаю, что надеть, что сказать, как себя вести, — Алина выкладывала душу, не замечая, как в глазах подруги разгорается холодный огонь. Они шли по коридору к классу. Алина была погружена в свои тревоги, когда вдруг почувствовала, как что-то ледяное обрушивается на нее сверху. Вода. Много воды. Холодной, липкой, унижительной.

— Эй, Кристина, ты с ума сошла?! — закричала Алина, подсакивая и отряхиваясь, но было поздно — форма промокла насквозь, волосы прилипли к лицу.

— Мышонок, ты что, водичку не любишь? Упс... прости, не хотела, — Кристина театрально всплеснула руками, но в её глазах плясали чёртики.

— Хотя нет, хотела. Так тебе и надо. Наконец-то ты получила по заслугам за всё, что ты сделала. Она с грохотом поставила ведро на парту и гордо выпрямилась. Никто не сказал ни слова. Ни одноклассники, ни учителя. Даже её подруга молчала, глядя в сторону. Алина выбежала из класса, задыхаясь от слёз и обиды, и на полном ходу врезалась в Сашу.

— Аля, знаешь... — начал он, но замолчал, словно подбирая слова для приговора. — Саш, мне надо домой, — выдохнула она, но он перебил её.

— Я не ожидал, что ты окажешься такой ужасной. Раз ты меня так ненавидишь, я больше не покажусь тебе на глаза. Он ушёл. А она осталась стоять посреди пустого коридора, по щекам стекали слёзы — смешанные с холодной водой и первым настоящим чувством предательства.

Две недели спустя. Алина не появлялась в школе. Её удалили ото всюду: из общих чатов, из социальных групп, из жизни. Будто она перестала существовать.

— Мам, — голос Алины дрожал, как осенний лист на ветру, — ты подумала насчёт перевода?

— Котик, ты же знаешь, ближайшая школа в пяти километрах. Ты уверена? Экзамены на носу... может, доучишься? — мама смотрела на дочь с болью, понимая, что та больше не хочет быть частью этого ада.

— Ладно, — выдохнула Алевтина Геннадьевна, — я уже говорила с директором новой школы. Если не передумала, завтра поедем. Увидев на лице дочери первую за долгое время улыбку, она вздохнула с облегчением, хотя на сердце остался камень.

Новая школа. Несколько месяцев спустя.

Новая школа встретила Алину тишиной и настороженными взглядами. Но здесь её хотя бы не травили. Она начала привыкать, знакомиться с ребятами, но даже не подозревала, как сильно изменится сама за этот месяц.

— Аля, проснись, нам сейчас двойку влепят! — Маша легонько толкнула её в бок и зашептала: — Какая же ты отличница, если спишь на уроке?

— Маш, прости... я снова плохо спала, — Алина отвернулась к окну, за которым простиралось серое небо, и в её голове уже зрели первые ростки мести. Новый класс знал о её прошлом. Ребята отнеслись с пониманием, но Алина смотрела на них иначе. Она уже не была той наивной девочкой. В каждом она искала союзника, в каждом — инструмент. Как ни странно, именно в этой школе она нашла компанию, которая изменила всё. Шесть человек, совершенно разных, непохожих друг на друга, но объединенных чем-то большим. Эта дружба оказалась судьбоносной, как бы ни пыталась сама Алина отрицать очевидное.

Элеонора:

Ещё в детстве я начала испытывать неприязнь к Алине. Но в то же время мне нравилось проводить с ней время. Как это объяснить? Она была странной — слишком правильной, слишком послушной, слишком... удобной. А эта глупая традиция дружить семьями: бабушки дружили, мы дружим, и вы будете дружить. Глупость какая-то. Меня всегда ставили перед фактом. Мама говорила: «Мы идём гулять с Алиной и её мамой». Не спрашивали, хочу ли я. Не интересовались моим мнением. Просто ставили перед фактом. И я шла. И улыбалась. И играла роль хорошей девочки. Но внутри копилась злость. Я не понимала, за что ненавижу её. Она ничего плохого не делала. Просто была. Существовала. И этим уже раздражала. Однажды я спихнула её с качелей. Она упала, испугалась, заплакала. А я смотрела и чувствовала... что-то тёплое. Смесь стыда и удовольствия. Мне казалось, что это нормально. Что так бывает. Что все так делают. А Алина никогда не обижалась. Она вставала, отряхивалась, улыбалась и шла за мной дальше. Как собачка. Как привязанная. Потом мы начали меняться. Я видела это. Алина всё время твердила: «Эла, надо учиться». А я не хотела. Я всегда мечтала быть актрисой. Хотела сцены, света, оваций. Я не хотела сидеть над учебниками, как она. Сколько себя помню, Алина была послушной дочкой и отличницей — аж тошно становилось. Годы шли, и моя ненависть росла. Вместе с ней росло и странное притяжение. Мне было плохо без неё, и плохо с ней. Как наркотик. Но в один момент мне показалось, что Алина начала меняться. Я услышала от неё: «Я не хочу быть тем, кого мне навязали». И она сказала, что хочет стать фотографом. Я даже подумала, что мы всё-таки не такие разные. Что, возможно, мы сможем дружить по-настоящему. На секунду я поверила, что во мне есть что-то человеческое. Но мы росли. И нам начали нравиться мальчики. Странно, но это были одни и те же мальчики. Только на меня они внимания не обращали. Считали, что я мыслю плоско, а Алина — глубокая, как океан. Ага. Умная. Вот и всё, что их волновало. Я ненавидела её за то, что она получала то, что хотела я. Без усилий. Без борьбы. Она просто сияла. А я была в тени. В средней школе я начала общаться с другими одноклассницами. И мне понравилась Кристина. Она была такой дерзкой, открытой, амбициозной. Я начала брать с неё пример. Она не боялась быть жесткой, не боялась говорить правду в лицо. А Алина? Что с ней мне светило? Какие-то МГУ, бесконечные учебники и правильные ответы. А я хотела театрального. Мечтала и жила этим. С Кристиной мы нашли много общего. Но чем дольше я общалась с ней, тем лучше понимала одну вещь: Кристиной легко управлять. Достаточно сказать ей правильные слова, разжечь её злость, и она сделает всё, что нужно. Она была как порох — искра, и она взрывается. И я научилась этой искрой управлять. Я стала её лучшей подругой, её доверенным лицом, её голосом разума. Только вот разум был моим. И тогда я поняла главное: Алина мешает мне. Она портит мою жизнь. Я не хочу её присутствия. Но я не могла прервать эту дружбу. Она уже ощущалась как зависимость. Мне так нравилось её унижать. И видеть, как она закрывается в себе. Как опускает глаза. Как молчит. Это доставляло удовольствие. Это был мой маленький наркотик. А потом появился Саша. Я увидела его впервые в коридоре. Он смеялся, говорил с друзьями, и я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Он был красивым. Уверенным. Таким, каким я хотела видеть рядом с собой. Но он не смотрел на меня. Он смотрел на неё. На Алину. Я видела это. Я видела, как он задерживается взглядом, когда она проходит мимо. Как он улыбается ей, когда они случайно встречаются взглядами. Как он ищет её в толпе. И в тот момент я поняла — она снова у меня забирает. Она снова получает то, что хочу я. Она забирает мальчика, который должен быть моим. Но я не стала действовать грубо. Я же актриса. Я умею играть. Я умею убеждать. Я пришла к Кристине. Села перед ней, сделала заплаканное лицо, хотя внутри всё кипело от злости, и начала свою игру.

— Кристина, ты представляешь, что она сделала? — сказала я дрожащим голосом. — Я рассказала Алине, что Саша мне нравится. По-настоящему нравится. Я поделилась с ней самым сокровенным, а она... она просто пошла и начала с ним общаться. Она начала флирто-

вать с ним прямо на моих глазах. Она сделала вид, что он позвал её на дискотеку, хотя это я должна была быть с ним. Кристина округлила глаза.

— Она что, забрала его у тебя? — спросила она, и я видела, как в её глазах загорается злость. — Да, — я всхлипнула, вытирая несуществующие слёзы. — Она всегда так делает. Я ей доверяю, а она... она просто всё забирает. Она даже ходит так же, как я. Одевается, как я. Она живет моей жизнью. А теперь ещё и Сашу. Она ущербная, Кристина. Она не может быть собой, поэтому крадёт мою жизнь. Кристина сжала кулаки. — Мы это так не оставим. Я знала, что она поведется. Кристина была моей главной союзницей, потому что она тоже ненавидела Алину — за то, что та была слишком правильной, слишком тихой, слишком удобной. И я уже знала, как ею управлять. Мы начали планировать. Я рассказывала всем, какая Алина на самом деле противная. Как она ходит за мной хвостиком и копирует всё, что я делаю. Как она бесит меня своим идеальным поведением. Как она у меня всё отнимает. Но мне нужно было сделать так, чтобы Саша тоже отвернулся от неё. Чтобы он не просто поверил — чтобы он возненавидел её. И тогда я придумала план. Я начала распускать слух, что Алина — вертихвостка. Что она общается с множеством мальчиков. Что она флиртует со всеми подряд, просто чтобы чувствовать себя нужной. Что она не умеет выбирать и не знает, чего хочет. Но самое главное — я сказала, что она общается с Сашей из жалости. Я подошла к его друзьям и сделала вид, что случайно обронила:

— Бедный Саша... Она же с ним просто из жалости. Он такой ущемленный, такой неуверенный в себе. Алина сказала, что ей просто жалко его, поэтому она с ним и общается. Она ведь со всеми так... Она не может быть одна, поэтому цепляется за любого, кто обратит на неё внимание. Я знала, что это дойдет до него. Слухи в школе распространяются быстрее, чем пожар. Я видела, как он меняется. Как его взгляд становится холодным. Как он отводит глаза, когда Алина проходит мимо. Он поверил. Конечно, поверил. Потому что я актриса. Я знаю, как сделать так, чтобы слова звучали правдиво. Я знаю, как ударить в самое слабое место. Тот самый день. Алина проспала. Я знала это. Я специально ждала. В тот день мне казалось, что сама судьба была на моей стороне. Алины не было в школе, и я поняла — это шанс, которого нельзя упускать. Я подошла к Саше, когда он стоял у окна. Я сделала вид, что случайно встретила его, и начала говорить. Я рассказывала ему, как Алина общается со всеми мальчиками, как она флиртует, как она ведёт себя с ним просто из жалости. Я говорила тихо, с болью в голосе, как будто сама страдала от того, что должна ему это сказать.

— Саша, ты же не знаешь, какая она на самом деле, — говорила я, глядя ему в глаза. — Она же... она просто не может быть одна. Она ищет внимания. А ты... ты просто очередной. Она сказала, что ты ущемленный и что ей жалко тебя. Я видела, как его лицо меняется. Как в глазах появляется холод. Как он сжимает кулаки. А потом я пошла к Кристине. Я села рядом с ней в классе и прошептала:

— Она сегодня придет позже. Она проспала. Представляешь, какой это шанс? Кристина посмотрела на меня, и в её глазах зажглась злость. Я знала, что она сделает всё, чтобы уничтожить Алину.

— Ведро, — сказала я. — Вода. Когда она войдёт.

Кристина улыбнулась. Она поняла. И тогда я пошла за Алиной. Я ждала её у входа. Я видела, как она входит в школу, как поправляет сумку, как улыбается. Она ничего не подозревала. Она не знала, что с ней случится через несколько минут. Я шла с ней рядом. Я говорила что-то, не помню что. Мне нужно было, чтобы она оказалась в классе. Чтобы она вошла и получила по заслугам. Когда она вошла, я увидела Кристину с ведром. Я видела, как вода льется на голову Алины. Как она застывает в шоке. Как её одежда промокает насквозь. Как она кричит, пытаясь понять, что произошло. А потом она выбежала. И врезалась в Сашу. Я стояла в коридоре и смотрела, как он отворачивается от неё. Я слышала его слова:

— Я не ожидал, что ты окажешься такой ужасной. Раз ты меня так ненавидишь, я больше тебе на глаза не покажусь. Он ушёл. Она осталась стоять, мокрая, разбитая, одна. Я сделала это. Я сделала так, что Саша не просто отвернулся — он возненавидел ее. Он поверил, что она общалась с ним из жалости, потому что он ущемленный и жалкий. И это было хуже любой лжи. Это было уничтожение его самооценки и её репутации одновременно.

Две недели спустя.

Алина исчезла. Она не пришла на следующий день. И на послезавтра. И через неделю. Её парта пустовала. Её место в коридоре, где она всегда стояла, оставалось пустым. Я смотрела на её пустой стул в классе и чувствовала... пустоту. Кристина была довольна. Она смеялась, говорила, что мы победили. Но я смотрела на неё и понимала: она не чувствует того, что чувствую я. Прошла неделя. Вторая.

Слухи ходили разные — кто-то говорил, что Алина перевелась, кто-то — что уехала из города. Я не знала правды. Я искала её взглядом в коридоре, в столовой, на улице. Я смотрела на каждого, кто входил в класс, надеясь увидеть её лицо. Я ненавидела её. Я хотела, чтобы она страдала. Но без неё я была никем. Я осталась без своей жертвы. Без своего наркотика. Без той, кто сделал меня сильной. Эти две недели были самыми долгими в моей жизни. Я ходила по школе, улыбалась, разговаривала с одноклассниками, но внутри всё горело. Я ждала её. Я хотела увидеть её снова. Я хотела продолжить свою игру. Но Алина больше не вернулась. Она ушла навсегда. И вместе с ней ушла часть меня. Та часть, которая чувствовала себя живой. Я планировала всё так тщательно. Я уничтожила ее. Я должна была радоваться. Но в тишине пустого школьного коридора я поняла одну вещь: я не победила. Я просто осталась одна. И в этой пустоте я видела её лицо. Она не плакала. Она просто смотрела. Молча. И в этом взгляде я видела себя — маленькую, злую, пустую. Может быть, я ненавидела её не за то, что она есть. А за то, что я никогда не стану такой. За то, что она была настоящей. А я — просто роль, которую я сама придумала.

Глава 2

Школа осталась в прошлом. Алина перевелась, доучилась в новой, тихой и спокойной, где никто не знал её. Она стала другой — замкнутой, сосредоточенной, молчаливой. Новые одноклассники не лезли в душу, и она была им благодарна. Экзамены она сдала хорошо — лучше, чем ожидала. И когда пришло время выбирать университет, она выбрала юридический факультет. Не потому, что мечтала стать юристом. Просто хотела понять, как работает система. Как защитить себя. Как сделать так, чтобы никто и никогда не смог её сломать. Московский государственный университет встретил её серыми корпусами, высокими потолками и тысячами незнакомых лиц. Она чувствовала себя маленькой среди этой каменной громады, но внутри горело желание доказать — она не просто жертва. Она сильная. Первый курс пролетел незаметно. Учёба отнимала всё время, и Алина была рада этому — не оставалось ни минуты, чтобы вспоминать прошлое. Она старалась не думать о школе, о тех, кто её предал. О Саше. Об Элеоноре. Но прошлое всё равно настигло её. Это случилось в конце второго курса. Алина сидела в университетской библиотеке, готовилась к экзаменам, когда кто-то окликнул её. — Алина? Она подняла голову и увидела парня. Он стоял у стеллажа, смотрел на неё с удивлением. Лицо показалось знакомым, но она не могла вспомнить, где его видела. — Это действительно ты? — парень подошёл ближе. — Я Денис. Мы учились в одной школе. Алина почувствовала, как внутри всё сжалось. Школа. Это слово до сих пор вызывало у неё дрожь. — Денис... — она попыталась вспомнить. — Ты из параллельного класса? — Да, — он улыбнулся, но улыбка была какой-то виноватой. — Я... я знаю, что ты ушла. Я хотел сказать тебе тогда, но не решился. — Что сказать? — голос Алины был спокоен, но внутри всё кипело. Денис сел напротив неё, оглянулся, словно проверяя, не слышит ли кто-то их разговор. — Я знаю, что произошло, — сказал он тихо. — Я знаю, что это было не твоя вина. Алина замерла. — Что ты знаешь? — спросила она. Денис помедлил, потом выдохнул и начал рассказывать. — Элеонора... она всё это придумала. Всё. Она сказала Кристине, что ты увела у неё Сашу, что ты предала её. Она плакала, играла, и Кристина повелась. Она хотела тебя уничтожить. Алина слушала молча. — А Саша... — Денис покачал головой. — Ей было мало просто уничтожить тебя. Она хотела сделать так, чтобы он тебя возненавидел. Она рассказала ему, что ты общаешься с ним из жалости. Что он ущербный. И он поверил. Алина почувствовала, как её руки начинают дрожать. Она сжала их в кулаки, стараясь сохранить спокойствие. — Я не знал всего тогда, — продолжил Денис. — Я слышал только то, что говорили другие. А потом, уже после того как ты ушла, я случайно услышал, как Элеонора смеялась над этим с Кристиной. Она сказала, что это было легко. Что ты — просто мышь, которую можно раздавить. Она не чувствовала вины. Она гордилась этим. Алина закрыла глаза. — Она сказала, что Саша глупый, что поверил в эту ложь. Что он слабый, раз позволил собой манипулировать. Денис замолчал. Тишина в библиотеке стала тяжёлой. — Я хотел рассказать тебе, — добавил он тихо. — Но ты уже ушла. Я не знал, где ты. Алина открыла глаза. В них не было слёз. Только холодная, выверенная решимость. — Спасибо, — сказала она. — Спасибо, что сказал мне. — Ты как? — спросил Денис. — Я в порядке, — ответила она, хотя это было неправдой. — Я просто... теперь знаю правду. Она помедлила, потом спросила: — А Саша? Он... он до сих пор не знает? Денис покачал головой. — Нет. Он так и живёт с мыслью, что ты общалась с ним из жалости. Что он был для тебя никем. Элеонора позаботилась об этом. Она до сих пор с ним, между прочим. Они вместе. Он так и не узнал, что это была ложь. Алина почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Саша. Тот самый мальчик, который когда-то смотрел на неё с улыбкой. Который пригласил её на дискотеку. Который поверил ей. И теперь он живёт с ложью. Он думает, что он ущербный. Что она его жалела. Что он был просто очередным. Он не знает правды. И, возможно, никогда не узнает. — Спасибо,

— повторила Алина. — Теперь я знаю всё. Они попросились. Алина вышла из библиотеки, и холодный ветер ударил в лицо. Она стояла на ступенях университета, смотрела на серое небо и думала о том, как много лжи было вокруг неё все эти годы. Саша не знает правды. Он живёт в мире, который создала для него Элеонора. И он даже не подозревает, что его жизнь — это спектакль, в котором он играет роль жертвы. Алина закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она не могла сказать ему правду. Не сейчас. Может быть, никогда. Но она могла сделать так, чтобы Элеонора заплатила за всё. Чтобы она поняла, что такое терять. Чтобы она почувствовала то же, что чувствовала Алина, когда стояла мокрая и униженная в школьном коридоре. Той ночью Алина долго не могла уснуть. Она лежала в своей комнате, смотрела в потолок, а перед глазами стояли картины прошлого. Элеонора, которая улыбалась ей в лицо и плела интриги за спиной. Кристина с ведром воды. Саша, который отвернулся от неё. И она поняла одну вещь — она больше не будет жертвой. Она больше не позволит никому управлять собой. Это была та ночь, когда Алина впервые подумала о мести. Я лежала в темноте и чувствовала, как внутри меня закипает холодная решимость. Я не знала, как это сделать. Я не знала, когда. Но я знала — я сделаю это. Я заставлю её заплатить. Не потому что я злая. А потому что я устала быть жертвой. Я устала чувствовать себя беспомощной. Я устала позволять ей выигрывать. В ту ночь я дала себе слово: я стану сильной. Я стану той, кто выбирает свою судьбу. И когда настанет мой час — она узнает, что такое терять. Годы спустя. С того момента что-то в ней изменилось. Она больше не пряталась от прошлого — она начала использовать его как топливо. Каждое утро, просыпаясь, она напоминала себе, ради чего она здесь. Каждый вечер, засыпая, она прокручивала в голове план — как стать сильной, как стать неуязвимой, как сделать так, чтобы никто больше не мог её сломать. Она училась с ожесточением. Она не просто зубрила — она впитывала знания так, будто от этого зависела её жизнь. И, возможно, так и было. Она понимала: чтобы выжить в этом мире, нужно знать его законы. Нужно уметь играть по правилам, которые сильные устанавливают для слабых. На третьем курсе она начала подрабатывать в юридической фирме. Сначала простым помощником — бумаги, архивы, мелкие поручения. Но она смотрела, слушала, запоминала. Она видела, как работают взрослые, серьёзные люди. Как они договариваются. Как они побеждают. И она училась. К выпуску у неё уже были связи. Небольшие, но важные. Люди, которые знали её как способную, перспективную девушку. Никто из них не знал, что внутри неё горит холодный огонь. Никто не догадывался, что за её улыбкой скрывается стальная решимость. Диплом юриста был получен. Но Алина не остановилась. Она пошла дальше — прокуратура. Ещё один этап, ещё один шаг к власти. Она хотела знать, как работает система изнутри. Она хотела понимать, где слабые места, где лазейки, где можно нажать, чтобы всё рухнуло. Но отработав всего несколько лет, она ушла. Потому что поняла: система создана для того, чтобы её использовали. И она собиралась использовать её по-своему. Она открыла бизнес. Сначала маленький книжный магазин — мечта, которую она лелеяла с детства. Потом ещё один. Потом сеть. Но это была не просто мечта. Книжные магазины давали ей то, чего не мог дать юридический диплом, — доступ к людям. Клиенты, поставщики, партнёры. Она слушала их разговоры, запоминала имена, слабости, связи. Каждая покупка становилась ниточкой, каждая улыбка — крючком. Она не продавала книги — она покупала информацию. Параллельно она начала заниматься винодельней — не потому, что любила вино, а потому, что это давало ей связи. Винодельни — это места, где собираются влиятельные люди. Где говорят о деньгах, о власти, о сделках. Она слушала. Она запоминала. Она заводила знакомства. Годы шли, и Алина строила свою империю. Магазины расширялись, винодельня процветала. Она стала успешной — такой, какой никто не ожидал её увидеть. Та девочка, которую унижали в школе, стала бизнес-леди. Та, кого называли мышью, стала той, кто управляла людьми. Но всё, что она построила, было ради одной цели. Ради одного момента, когда она сможет посмотреть в глаза тем, кто её уничтожил, и сказать: «Я здесь. Я выжила. И теперь моя очередь». Я смотрела на свои руки и видела не просто ладони — я видела инструмент. Орудие, которое

я оттачивала годами. Я не торопилась. Я не позволяла эмоциям взять верх. Я просто ждала. И вот, когда все звёзды сошлись, я поняла: пришло время. Я позвала их — своих друзей. Не потому что я не могла сделать это одна. А потому что я хотела, чтобы они были рядом. Чтобы они видели, как я закрываю эту главу. Чтобы они знали: мы больше не жертвы. Мы — те, кто выбирает свою судьбу. Встреча с друзьями. Она сидела в компании своих друзей и поняла: пришло время действовать. Больше никакого ожидания. Больше никаких мечтаний о мести. Она сидела за столом в своей гостиной, крутила в руках бокал с тёмным вином и вспоминала каждого из своей компании. Миша — высокий, статный, всегда безупречно одетый. Технарь до мозга костей, умеющий добывать информацию там, где её не существует. Его небольшое ИП было лишь ширмой для дел куда более тёмных. Ян — спортсмен с открытой улыбкой и стальными кулаками. Он открыл фармацевтические склады и собственное производство косметики. Но Алина знала, что за его добродушием скрывается холодный расчёт. Маша — та, что жаждала внимания и нашла его в собственном баре «Менвин». Она привыкла к ненависти и угрозам, научилась избавляться от врагов быстро и эффективно. Вита — девушка с острым аналитическим умом, писательница. Её книги расходились в Алининых магазинах, но лишь единицы знали, какие сюжеты рождаются в её голове. Вероника — архитектор, чьё имя знали в высших кругах. Она вращалась среди влиятельных людей и знала их слабые места. Алина перевела взгляд на всех собравшихся. Кто из них пойдёт до конца? Или все? Она выбрала их не случайно. Каждый был нужен для своего этапа. Миша — разведка. Он найдёт всё, что скрыто. Ян — сила и защита, если что-то пойдёт не по плану. Маша — место, где можно встретить нужных людей и где не задают лишних вопросов. Вита — стратег, она просчитает последствия каждого шага. Вероника — вход в высшие круги, туда, где сидят те, кто принимает решения. Она собрала пазл. Осталось только нажать на курок. — Алин, ты чего такая задумчивая? — Вита протянула ей стакан. — Ребят, а что, если... ну, просто предположить... вы бы смогли убить человека? Тишина. Тягучая, как то самое вино. — Слушай, ну по незаконной движухе у нас Миша, если ты не забыла, — хмыкнул Ян, но в его голосе не было шуток. Он напрягся, отставил бокал и посмотрел на Алину в упор. — Ты серьёзно? — Кхм... я серьёзно. Для начала нам нужно собрать информацию. Чисто ради интереса. — Ну, принципиально я «за». Ты знаешь, я за любой движ, — Миша откинулся на стуле и щёлкнул крышкой ноутбука. — Если вы серьёзно, я умываю руки. — Ян поднялся и вышел, хлопнув дверью. Повисла пауза. Маша переглянулась с Вероникой. Вита смотрела на Алину с тревогой, пытаясь заглянуть в самые потаённые уголки души подруги. — Алин, скажи честно. Ты что-то задумала? — спросила Вита. — Мы тебя знаем много лет. Ты никогда не спрашиваешь просто так. Алина поставила бокал. Медленно. Аккуратно. Обвела оставшихся взглядом и улыбнулась той самой улыбкой, которую никто из них раньше не видел. В ней не было тепла. Была сталь. — Я хочу, чтобы вы знали: я не прошу вас пачкать руки. Я прошу вас помочь мне сделать так, чтобы один человек исчез из моей жизни. Навсегда. Она помолчала. — У меня странное предложение для вас. Вы мне поможете убить человека?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.